

**ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
(К 100-летию со дня принятия)**

© 2022 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 04.04.2022 г.

Аннотация. В статье раскрыта предыстория подготовки Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., указаны причины кодификации, дана характеристика действовавшего в 1917–1922 гг. уголовного законодательства, осуществлена его классификация (выделены три группы норм, во-первых, определяющих сущность нового уголовного права; во-вторых, вызванных к жизни текущим моментом и, в-третьих, транзиторных), проанализированы проекты уголовного кодекса Общеконсультационного отдела Наркомюста РСФСР и секции судебного права и криминологии Института советского права, представлены концептуальные основы первого УК РСФСР и характеристика его Общей и Особенной частей, определено значение Уголовного кодекса РСФСР для дальнейшего развития законодательства и науки уголовного права.

Ключевые слова: советская власть, уголовное законодательство 1917–1922 гг., кодификация, проекты первого Уголовного кодекса РСФСР, Общая и Особенная части, значение Уголовного кодекса РСФСР.

Цитирование: Чучаев А. И. Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия) // Государство и право. 2022. № 6. С. 152–167.

DOI: 10.31857/S102694520020481-0

**THE FIRST SOVIET CRIMINAL CODE:
CONCEPTUAL FRAMEWORK AND GENERAL CHARACTERISTICS
(To the 100th anniversary of the adoption)**

© 2022 A. I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 04.04.2022

Abstract. The article reveals the background of the preparation of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the reasons for the codification, the characteristics of the criminal legislation in force in 1917–1922 are given, its classification is carried out (three groups of norms are identified, firstly, defining the essence of the new Criminal Law; secondly, brought to life by the current moment and, in the third, transient), the drafts of the Criminal Code of the General Advisory Department of the People's Commissariat of the RSFSR and the section of Judicial Law and Criminology of the Institute of Soviet Law are analyzed, the conceptual foundations of the first Criminal Code of the RSFSR and the characteristics of its General and Special parts are presented, the significance of the Code for further the development of legislation and the science of Criminal Law.

Key words: Soviet power, criminal legislation of 1917–1922, codification, drafts of the first Criminal Code of the RSFSR, General and Special parts, meaning of the Criminal Code of the RSFSR.

For citation: Chuchaev, A.I. (2022). The first Soviet Criminal Code: conceptual framework and general characteristics (To the 100th anniversary of the adoption) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 152–167.

Предыстория УК РСФСР 1922 г. В первые годы советской власти уголовное законодательство было ситуативным. Это наглядно явствует из видов и содержания актов, в которых имеются уголовно-правовые нормы (воззвания, декреты, обращения, постановления, письма и т.д.). В большинстве они касались особенной части уголовного права, были направлены на противодействие отдельным преступлениям (с 26.10.1917 г. по 1922 г. принято более 400 нормативных актов с уголовно-правовыми нормами)¹.

Анализ уголовно-правовых установлений того периода позволяет выделить два их вида: первый представляет собой нормы, которые выражали сущность зарождающегося советского уголовного права, его характер и принципы. Поэтому они сохраняли свое значение на протяжении длительного времени. Например, выделение материального признака преступления² в Декрете II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. «О земле»³, обращениях председателя СНК В.И. Ленина от 5 ноября 1917 г. «К населению»⁴ и народного комиссара по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников»⁵.

В ряде актов формулировалось понятие бездействия, закреплялись условия уголовной ответственности за эту форму преступного деяния (например,

¹ См. подр.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 24.

² В советской литературе встречаются и иные утверждения, например, М.Д. Шаргородский считал, что в первое время советское уголовное право исходило из формального определения преступления (см.: Шаргородский М.Д. Предмет и система уголовного права // Сов. государство и право. 1941. № 4. С. 42).

Другие авторы, основываясь на анализе нормативных актов первых лет советской власти, исходили из материальной сущности преступления (см., напр.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 248; Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М., 1954. С. 150). Эта точка зрения подтверждается и тем, что при отсутствии исчерпывающего перечня уголовно наказуемых деяний правоприменитель, исходящий при отправлении правосудия из революционного правосознания и революционной совести, мог опираться только на такое обстоятельство, как причинение вреда общественным отношениям, т.е. материальный признак преступления. Д.И. Курский писал: «Декреты фиксируют внимание народного суда на тех или иных деяниях, которые являются в настоящий переходный момент наиболее дезорганизующими, наиболее опасными, и дают лишь самые общие указания, часто лишь называют деяние, предоставляя народному суду всю индивидуализацию не только отдельных случаев преступлений, но и определение того, какое деяние требует уголовной репрессии и, следовательно, является преступлением» (см.: Курский Д.И. Новое уголовное право // Курский Д.И. Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 52).

³ См.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 1.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1917. № 2, ст. 2.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 30.

Декрет СНК от 12 декабря 1917 г. «Об оставлении в силе обязательств, возложенных договором на контрагентов по поставкам и заготовкам продовольствия для армии»⁶; приказ Народного Комиссариата по военным делам от 14 июня 1918 г. «Об условиях службы лиц, призванных согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 12 июня 1918 г.»⁷; Декрет СНК от 20 июля 1918 г. «О тыловом ополчении»⁸ и др.).

Принципиальное значение имел Декрет СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»⁹, на долгие годы определивший уголовно-правовую политику в отношении лиц, не достигших возраста 17 лет¹⁰.

В документах первых лет советской власти встречаются установления о действии уголовно-правовой нормы во времени, пространстве и по кругу лиц, об обратной силе закона, субъекте преступления и др. Однако следует заметить, что до постановления Народного Комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»¹¹ вопросам общей части уголовного законодательства уделялось мало внимания. В какой-то степени это объясняется объективными обстоятельствами: формирование нового уголовного права начинается с норм его особенной части, создание общей части всегда отстает от последней. Данная тенденция была присуща и дореволюционному уголовному праву.

Вторая группа норм была обусловлена текущим моментом, т.е. той конкретной исторической обстановкой, в которой они принимались. Вызванные к жизни сложившимися обстоятельствами, время их действия также определялось последними: их исчезновение или изменение влекло отмену или суброгацию соответствующих норм. Таким образом, они носили временный и вынужденный характер, выступали средством упрочения советской власти и социалистического строя. Об этом свидетельствуют, например, декреты СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции»¹² и от 8 ноября 1917 г. «О введении государственной монополии на объявления»¹³, обращение

⁶ См.: СУ РСФСР. 1917. № 8, ст. 119.

⁷ См.: СУ РСФСР. 1918. № 43, ст. 529.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1918. № 54, ст. 604.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 16, ст. 227.

¹⁰ Впоследствии возраст уголовной ответственности неоднократно менялся, но принципиальный подход сохранился до настоящего времени: в работе с несовершеннолетними правонарушителями основным является воспитательное воздействие на них и только потом — карательное.

¹¹ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.

¹² См.: СУ РСФСР. 1917. № 5, ст. 70.

¹³ См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 41.

СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»¹⁴ и др. На особый характер подобного рода актов указывает и порядок их введения в действие — это осуществлялось после передачи их по телеграфу¹⁵.

Вероятно, в т.ч. и в связи с преобладанием уголовно-правовых норм второй группы некоторые авторы утверждали, что отсутствие кодифицированного уголовного законодательства было сознательной политической советского государства. Созданный таким образом «правовой вакуум» позволял эффективнее и безжалостнее бороться с классовыми и идеологическими противниками¹⁶. Отвечая на эти обвинения, П.И. Стучка писал: «Мы часто встречаем одну легенду, которую необходимо опровергнуть, а именно, что мы будто бы всегда были против законов вообще и кодексов в особенности. Напротив, мы начали с таких законов, как социализация земли, 8-ми часовой рабочий день и т.д.

И не могло быть иначе. Ведь наша революция является самой организованной из всех бывших революций. И разве мы могли отказаться от такого организованного способа реорганизации общества, как законодательство?»¹⁷.

Сложившееся положение, в частности отсутствие кодифицированного законодательства, один из авторов первых законов советской власти, председатель Малого Совнаркома М.Ю. Козловский объяснял, например, тем, что «работу в области карательной будет направлять не буржуазная лицемерная, индивидуальная гуманность, а классовый интерес непреклонного подавления посягательств паразитирующего меньшинства на условия общежития, соответствующие интересам трудящихся

¹⁴ См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 39.

¹⁵ Согласно Декрету СНК от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов» (см.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 12) днем вступления постановления в законную силу считался день опубликования его в официальном издании — «Газете Временного рабочего и крестьянского Правительства». Из этого общего правила допускались изъятия: день вступления в законную силу нормативного акта мог определяться в самом постановлении либо начало действия обуславливалось передачей последнего по телеграфу. В этом случае днем вступления в законную силу считался день опубликования соответствующей телеграммы.

Данные условия действия закона во времени были сохранены и в Декрете от 17 ноября 1917 г. «О времени вступления в силу узаконений и распоряжений Правительства» (см.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 40).

¹⁶ См. подр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 14, 15.

¹⁷ Стучка П.И. Революционная роль права и государства. М., 1924. С. 98.

масс... Конкретизировать эту работу, установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас — значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему. Кодификация уголовного права во время социалистической революции — напрасный труд; я думаю, что задача власти в этой правовой области сводится главным образом к руководству, к инструктированию масс»¹⁸.

Несколько позднее он изменил точку зрения. Выступая на III съезде деятелей советской юстиции, М.Ю. Козловский утверждал: «Мы исходим из положения, что если мы существовали до сих пор без кодекса, то не потому, что были противниками кодекса, а потому, что не было возможности создать его, но никто не сомневался в необходимости его создания»¹⁹.

Необходимо выделить и третью, особую группу норм, которые принимались в первый год советской власти. Эти нормы также были вызваны к жизни соответствующей социально-политической обстановкой, сложившейся в России после победы революции, но по своей сути они не являются уголовно-правовыми, а представляют собой транзиторные нормы. Появление нового общественно-политического строя, государства рабочих и крестьян автоматически не привело и не могло привести к появлению нового законодательства вообще и уголовного в частности. Правовой вакуум был недопустим, поэтому было принято решение о применении, вплоть до последующей полной отмены, буржуазного уголовного законодательства. В целом это нашло отражение в Декрете СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде»: «Суды... руководятся... законами свергнутых правительств... постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»²⁰.

Транзиторные нормы содержатся и в документах ведомств, относящихся к органам государственного управления. Например, в обращении народного комиссара земледелия ко всем земельным (губернским, уездным и волостным) комитетам и всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов от 6 декабря 1917 г. «О сохранении “Советов лесничеств”, организованных для

¹⁸ Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1. С. 27.

¹⁹ Материалы Наркомата юстиции РСФСР. Пг., 1921. Вып. 11–12. С. 73.

²⁰ См.: СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50. Отмененными признавались все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских депутатов и рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум РСДРП партии и партии СР.

управления государственными лесами»²¹ имеется ссылка на признание незаконной рубки леса преступлением, наказываемым по действовавшему ранее законодательству.

Согласно Декрету ЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде»²² (ст. 36) суд руководствуется прежними уголовными законами постольку, поскольку они не отменены декретами ЦИК и СНК и не противоречат социалистическому правосознанию. При этом оговаривалось, что он не должен ограничиваться «формальным законом», а обязан руководствоваться соображениями справедливости. Д.И. Курский писал: «Практика местных судов... столкнулась с явным противоречием между буквой дореволюционного Уложения о наказаниях и революционным правосознанием — прежде всего в области наказания. Уложение заранее, по-аптекарьски, скрупулезно отмеряло дозы возмездия за те или иные деяния... Между тем революционная совесть и революционное правосознание, которыми прежде всего руководствовались в своих решениях местные суды, подсказывали и могли подсказывать единственный вывод: суд свободен в выборе наказаний в зависимости от обстоятельств дела...»²³.

В это же время ряд инструкций, наказов, положений, касающихся применения буржуазного законодательства, принимаются губернскими и уездными властями. Так, в соответствии с § 18 положения о временных революционных судах Новгородской губернии от 30 декабря 1917 г.²⁴ «признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же необязательного для себя руководства суд может пользоваться Уложением о наказаниях и Уголовным уложением».

Однако уже в конце 1917 г. предлагалось вообще запретить использовать уголовное законодательство свергнутых правительств. Например, в наказе Изюмского уездного съезда мировых судей участковым мировым судам и мировому съезду (20 декабря 1917 г.) сказано: «Все правовые нормы, противоречащие революционной народной воле, не принимать во внимание как ненужный балласт в свободном творчестве судейской совести, и руководствоваться единственно голосом этой последней...»²⁵.

²¹ См.: Газета рабочего и крестьянского Правительства. 1917. 6 дек.

²² См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 466.

²³ Курский Д.И. Избр. статьи и речи. С. 30.

²⁴ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 2. С. 42, 43.

²⁵ См.: там же. С. 35.

Декрет СНК от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде»²⁶ не упоминал в качестве источника уголовного права дореволюционное законодательство. Из этого, конечно, можно сделать вывод о том, что в нем уже отсутствовали транзиторные нормы, но надо иметь в виду, что он не содержал и прямого запрета использования прежних уголовных законов. Такой запрет впервые был отражен в примечании к ст. 22 Положения о народном суде РСФСР, утвержденного Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г.²⁷: «Ссылки в приговорах... на законы свергнутых правительств воспрещаются».

По сути, советской власти потребовалось немногим более года, чтобы в результате интенсивной законотворческой деятельности создать собственную уголовно-правовую базу противодействия преступности в стране. Законодательство было некодифицированным; подготовка советского уголовного уложения, предпринятая Наркоматом юстиции в 1918 г., не изменила ситуацию на правовом поле, т.к. оно вследствие ряда обстоятельств на практике, по сути, не применялось²⁸.

Как уже отмечалось ранее, Руководящие начала знаменуют первую попытку советского законодателя систематизировать уголовно-правовые нормы, относящиеся к общей части уголовного права. В этом отношении они выступают прообразом Общей части УК РСФСР 1922 г. В их основе лежал ничем не прикрытый классовый подход, который наглядно проявился в определении понятия преступления. Однако необходимо подчеркнуть интересную деталь: к этому времени, формально порвав с прошлым законодательством, составители постановления во многом использовали структуру общей части дореволюционного уголовного права²⁹.

Особо следует выделить законотворчество судебных органов, осуществлявшееся ими в послереволюционный период вплоть до принятия Руководящих начал. Наиболее зримо это проявлялось в выборе видов и сроков (размеров) наказания. При этом определяющими в развитии института наказания являлись программные партийные документы³⁰, взгляды руководителей партии и го-

²⁶ См.: СУ РСФСР. 1918. № 52.

²⁷ См.: СУ РСФСР. 1918. № 85.

²⁸ См. об этом подр.: Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015.

²⁹ См.: Коныхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 61.

³⁰ Например, в Программе РКП(б) были зафиксированы задачи в сфере судебной деятельности: «В области наказания организованные таким образом (выборность судей. — А.Ч.) суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя

сударства, в частности В. И. Ленина, о значении репрессии в отношении классовых врагов победившего пролетариата³¹. Характеризуя роль суда в становлении нового уголовного законодательства, П. И. Стучка писал: «Старые законы были “сожжены”. Пролетарская революция обязывает к творчеству. И в этом именно заключается своеобразная роль суда в пролетарской революции, что он становится творческой силой в создании нового правопорядка...»³².

Судебное законотворчество сформировало достаточно пеструю картину наказуемости деяний, признаваемых противоречащими интересам революции, различающуюся как по видам уголовно-правового воздействия, так и их репрессивностью. Например, согласно наказу Камышевского народного гласного суда виновные могли быть приговорены: 1) к аресту от 10 дней до 1 мес.; 2) к денежному взысканию от 25 до 150 руб.; 3) к заключению в арестное помещение от шести месяцев до двух лет. Арест и штраф могли быть заменены общественными работами³³. Согласно сообщению комиссара юстиции Западно-Сибирской области и Степного края И. А. Апина, за выплату взноса окружному суду нотариусы были приговорены к лишению общественного доверия, им запретили выступать на собраниях³⁴.

Встречаются нормативные акты, содержащие обстоятельно разработанные перечни видов наказаний, претендующие на определенную систему; в них были представлены не только виды и сроки (размеры) наказаний, но и определена их эквивалентность (даны коэффициенты перевода одного вида наказания в другой). Например, положение о Самарском революционном трибунале, инструкция комиссиям для суждений о преступных деяниях несовершеннолетних, принятая съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана и др.³⁵

В некоторых местах даже принимались собственные уложения о наказаниях, содержавшие широкий перечень видов наказаний, ряд из которых возвращали судебную практику на несколько

лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983. Т. 3. 1917–1922. С. 25).

³¹ См. подр.: *Тоскина Г. Н.* Уголовное наказание в законодательстве РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2005.

³² *Стучка П. И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3.

³³ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 2. С. 51.

³⁴ См.: там же. М., 1918. Вып. 1. С. 4.

³⁵ См.: там же. М., 1918. Вып. 3. С. 52.

веков назад. Так, в уложении с. Лубны Лебедянского уезда Тамбовской области говорилось: «Если кто ударит, то потерпевший должен ударить обидчика десять раз. Если кто кого ударит с поранением или повреждением кости, то обидчика лишить жизни»³⁶. В Киренском уезде (Иркутская губерния) народный революционный суд постановил «зашить в мешок крестьянку, виновную в выгоне самотека, и бить ее о землю до тех пор, пока жива»³⁷. В Сарапульском уезде (Вятская губерния) за убийство мужа суд решил «женщину зарыть живой в землю, а ее любовника убить»³⁸.

Сложившаяся ситуация в литературе оценивалась по-разному, зачастую оценки были диаметрально противоположными. Например, утверждалось, что «местный характер этого права отнюдь не умаляет значение его роли в деле охраны революционного порядка. Эта местная законность в тот период, когда государство как единое целое еще только начинало организовываться и когда места очень часто — вследствие ли еще не наладившейся связи или расстройства транспорта — были оторваны от центра, была в своей основе подлинно революционной законностью»³⁹.

Более реалистичен в характеристике карательной практики, на наш взгляд, Ставропольский губернский комиссар юстиции Тесленко, считавший, что «необходимы законоположения, ясно и точно выраженные и обязательные для всех судов. Центральная Советская власть должна собрать в них общечеловеческие демократические правовые нормы, которые в силу своей общечеловечности должны быть обязательны для всех граждан и учреждений Российской Советской Республики, но наряду с этими общечеловеческими законами должен быть представлен известный простор местному законодательному творчеству правомочных органов Советской власти и народа. Законы, составленные местной властью и представителями из народа — местные законы, имеющие в своей основе местные правовые обычаи и местную судебную практику, кодифицированную и надлежащим образом изученную, и законы, изданные Центральной

³⁶ Революционный суд на первом же заседании приговорил к смертной казни двух воров. Приговор исполнили сразу же. «Вначале убили одного... Разбили голову безменом и ... мертвого выбросили на дорогу. Товарищ убитого стал умолять послать за священником, чтобы исповедаться и причаститься... Священник вымолил у толпы прощение осужденному. Толпа отменила смертный приговор, заменив его двадцатью пятью ударами розг» (см.: Новое слово. 1918. № 20).

³⁷ Свобода России. М., 1918. С. 38.

³⁸ Там же.

³⁹ История советского уголовного права. М., 1947. С. 113; см. также: *Грингауз Ш.* К вопросу об уголовном праве и правотворчестве масс в 1917–1918 гг. // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 82.

Советской властью — общенародные законы, — должны составлять одно стройное целое, не противоречащее друг другу, а взаимно дополняющее и усовершенствующее»⁴⁰.

Такая же позиция стала преобладающей на втором Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции (2–6 июля 1918 г., Москва). В частности, ее поддержал зам. народного комиссара юстиции Д.И. Курский, заявивший, что перед органами юстиции России встала задача создания уголовного права, формирования норм, которыми суд мог бы руководствоваться при назначении наказания преступника, при этом не ограничивая его усмотрения в выборе конкретной меры уголовно-правового воздействия⁴¹.

Подготовка и принятие уголовного кодекса. Некоторые ученые полагают, что работы по кодификации уголовного законодательства начались еще в 1917 г.⁴² При этом они не приводят каких-либо доводов в обоснование такого утверждения, а лишь ссылаются на то, что уже в то время в составе Наркомюста, возглавляемого П.И. Стучкой, был образован специальный отдел законодательных предположений и кодификации. П.И. Стучка в 1917 г. народным комиссаром юстиции был меньше месяца, в конце ноября его заменил И.З. Штейнберг, под руководством которого разрабатывалось Советское уголовное уложение. В указанное время даже не упоминается о проведении кодификационных работ как таковых. Да и фактически вряд ли это было возможно: советского уголовного законодательства еще не существовало, его необходимо было создать, а уж потом кодифицировать. Поэтому обоснованным выглядит предположение, что начало работ по кодификации относится к середине 1918 г.⁴³; именно к этому времени была создана основа для Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., а затем и УК РСФСР 1922 г.

На втором съезде областных и губернских комиссаров юстиции Д.И. Курский только заявил о начале проведения работы, «которая... систематизирует уголовное право социалистической республики»⁴⁴. Следует заметить, что в литературе нет единой точки зрения о том, какой законодательный акт в этом случае имелся в виду. Б.С. Утевский

утверждал, что Д.И. Курский, настаивая о необходимости фиксации норм «в точные и определенные формы», говорил не об уголовном кодексе, а проекте руководящих начал⁴⁵. По мнению же Н.Д. Дурманова, из выступления Д.И. Курского можно сделать вывод о том, что «в Народном комиссариате юстиции был уже подготовлен проект Уголовного кодекса или Свода уголовного права», но по каким-то причинам оказавшийся неустребованным⁴⁶. Скорее всего прав был Г.В. Швеков, считавший, что в это время шло накопление необходимого правового материала⁴⁷. Нормативные акты НКЮ обобщались и систематизировались, устранялись пробелы в уголовно-правовом регулировании⁴⁸. На основе имеющегося законодательного материала издавались обобщенные акты, как, например, циркуляр Кассационного отдела при ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов», явившийся в т.ч. основой Особенной части УК РСФСР⁴⁹.

Началом подготовки первого уголовного кодекса следует признать 9 октября 1918 г. В этот день коллегия НКЮ заслушала доклад М.Ю. Козловского «О законопроектах уголовных», по результатам обсуждения которого была создана комиссия в составе Д.И. Курского, М.Ю. Козловского и Л.А. Саврасова для подготовки проекта уголовного кодекса. Работу предполагалось выполнить в несколько этапов. На первом этапе следовало определить круг изданных актов, имеющих уголовно-правовые нормы. Д.И. Курский был представлен проект такого перечня, 15 января 1919 г. он был обсужден на заседании коллегии НКЮ⁵⁰.

⁴⁵ См.: Утевский Б.С. Сорок лет развития советского уголовного законодательства // Вопросы советского социалистического права. М., 1958. С. 310.

⁴⁶ См.: Дурманов Н.Д. Первый советский уголовный кодекс // Сов. государство и право. 1947. № 9. С. 29.

⁴⁷ См.: Швеков Г.В. Указ. соч. С. 119.

⁴⁸ См.: Чистяков О.И. Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти (1917–1923) // Сов. государство и право. 1956. № 5. С. 11.

⁴⁹ См.: Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 83.

⁵⁰ По сути, в этом случае речь идет о первой научной систематизации 49 законодательных актов, распределенных по 11 разделам (см.: Курский Д.И. Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) — 4 (14). С. 23). Автор писал: «Перечень уголовных норм действующего права показывает, что преступление и наказание в новом праве получили крайне своеобразную постановку, совсем отличную от той, которую знали прежние буржуазные кодексы. Всевозможного рода уложения и уставы о наказаниях, во-первых, всегда точно определяли “состав преступления”, его основные признаки и стремились дать исчерпывающий перечень запрещенных деяний; во-вторых, они всегда скрупулезно точно определяли меру наказания. Новое уголовное право не знает ни того, ни другого. Декреты фиксируют внимание народного суда на тех или иных деяниях, которые являются в настоящий

⁴⁰ Свобода России. С. 36.

⁴¹ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 3. С. 10.

⁴² См., напр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. С. 15.

⁴³ См., напр.: Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16; Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 115.

⁴⁴ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 3. С. 10.

В связи с этим неточным представляется утверждение В.Г. Смирнова и М.Д. Шаргородского, считавших, что в 1918–1920 гг. систематизация имеющихся уголовно-правовых норм не представляла какого-либо значения для подготовки уголовного кодекса, поскольку за основу УК РСФСР предполагалось взять Уголовное уложение 1903 г.⁵¹

Начало второго этапа подготовки первого уголовного кодекса можно датировать 30 апреля 1919 г., когда на заседании коллегии НКЮ был представлен доклад Д.И. Курского «О разработке Наказа народным судам по применению уголовно-правовых норм». По результатам его обсуждения было принято решение поручить М.Ю. Козловскому подготовить общую часть Наказа, а Д.И. Курскому – его особенную часть. Наказ должен был стать прообразом Кодекса, но, к сожалению, в силу различных причин он не был подготовлен. Более того, на этом этапе разработка УК РСФСР вообще приостановилась.

Наркомат юстиции возобновил работы по проекту лишь в марте 1920 г. М.Ю. Козловскому было поручено подготовить проект плана уголовного кодекса, используя для этого материалы НКЮ. Данный проект с небольшими поправками был утвержден 10 июня 1920 г., а 20 июня 1920 г. вопрос о кодексе был вынесен на обсуждение III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. Основы проекта представил делегатам М.Ю. Козловский, отметивший, что Наркомюст стремится «дать такую структуру и такой его план, чтобы он более выпукло и наглядно обнаружил те новые отношения, которые новый закон будет защищать. Ведь, собственно говоря, что такое уголовный закон? Это мера или норма, которая охраняет определенные... отношения»⁵².

Мнения делегатов съезда о проекте поляризовались. Основной довод противников уголовного кодекса сводился к одному – для его принятия еще не наступило время. Большинство же выступали за его подготовку, отметив в резолюции⁵³: «Съезд

переходный момент наиболее дезорганизующими, наиболее опасными, давая лишь самые общие указания, часто лишь называя деяние, предоставляя народному суду всю индивидуализацию не только отдельных случаев преступлений, но и определение того, какое деяние требует уголовной репрессии и, следовательно, является преступным» (см.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 27, 28).

⁵¹ См.: *Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Уголовное право // Сорок лет советского права. Л., 1957. Т. 1. С. 527.

⁵² Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. С. 74.

⁵³ Некоторые авторы дату принятия этой резолюции признают началом работ над проектом первого уголовного кодекса РСФСР (см.: *История советского уголовного права 1917–1947 гг.* М., 1948. С. 267).

признает необходимость классификации уголовных норм, приветствует работу в этом направлении НКЮ и принимает за основу предложенную схему классификации деяний по проекту уголовного кодекса, не предвещая вопроса об установлении кодексом карательных санкций»⁵⁴.

Оговорка о санкциях скорее всего объясняется тем, что по ним не был достигнут консенсус. Все позиции, не беря во внимание нюансы, можно свести к следующим: 1) время законодательного нормирования санкций еще не наступило, поэтому следует обойтись вообще без них (большинство делегатов); 2) кодекс должен предусматривать только нижнюю границу наказания, максимум наказания оставляя на усмотрение суда (Д.И. Курский и др.); 3) в отношении некоторых преступлений (например, имущественных) следует в санкции указать как минимальный, так и максимальный размер (срок) наказания (Л.А. Саврасов и др.); 4) кодекс не должен содержать ни абсолютно, ни относительно определенных санкций (Н.Н. Крыленко и др.). В связи с этим в отчете съезда отмечено: «Вопрос о карательных санкциях и установлении минимума либо максимума... снять с обсуждения ввиду малой разработанности»⁵⁵.

Таким образом, к 1920 г. дискуссии о необходимости уголовного кодекса практически были исчерпаны, а предметом научных споров стал вопрос о его характере, концептуальных основах и структуре. Например, М.Ю. Козловский⁵⁶, Я.Л. Берман⁵⁷ и др. настаивали на том, что уголовный кодекс должен быть не кодексом в его обычном буржуазном понимании, а «примерной инструкцией», «директивой центра местам», изложением общих основ социалистической карательной политики». Д.И. Курский видел кодекс «без точных дефиниций преступлений»⁵⁸, а Н.В. Крыленко считал, что особенная часть кодекса не должна содержать санкций⁵⁹. Оригинальную форму кодекса предлагал П.И. Стучка. Его идея заключалась в том, чтобы уголовный кодекс был представлен в виде вопросов и ответов; по его мнению, отказ от постатейного изложения нормативных установлений «будет формой

⁵⁴ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. Приложение. С. 2, 3.

⁵⁵ Там же. С. 82.

⁵⁶ См.: там же. С. 78.

⁵⁷ См.: *Берман Я.* К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 39.

⁵⁸ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. С. 81.

⁵⁹ См.: там же. С. 78. Позднее подобного рода утверждения Н.В. Крыленко признал «левацкой ошибкой» (см.: *Крыленко Н.В.* Три проекта реформы Уголовного кодекса. Тезисы доклада. М., 1931. С. 8).

пролетарского права будущего, когда оно потеряет всякую тень буржуазного строя»⁶⁰.

Эти и подобные им взгляды объяснимы одним — желанием создать абсолютно новое, отличающееся от предыдущего социалистическое уголовное право. Данное обстоятельство точно обрисовал П.И. Стучка: «Задача наших теоретиков, занимающихся этим строительством, нелегка, ибо их работа не имеет прецедентов и готовых образцов и вдобавок происходит в отсталых условиях российской действительности»⁶¹.

По свидетельству А.А. Герцензона, во время работы над проектом уголовного кодекса, в особенности в 1921 г., активизировались попытки рецепции буржуазного уголовного права, внесения в формирующееся советское право идей социологической школы и т.д., высказывались предложения «перелицовки» Уложения 1903 г. Сторонники социологической школы уголовного права исходили из того, что ее идеи родственны правовым взглядам революционного пролетариата. Представителями академической науки были разработаны два проекта уголовного кодекса, основанных на положениях социологической школы (Общеконсультационного отдела НКЮ и секции судебного права и криминологии), но были отвергнуты коллегией Наркомата юстиции⁶².

Авторы проекта общей части Общеконсультационного отдела⁶³ при решении вопроса о преступности и наказуемости деяния исходили не из его общественной опасности, а из опасного состояния личности, его «миросозерцания», отрицали значение вины, ее форм, видов и т.д. В подготовленном этим же отделом проекте ряда разделов особенной части уголовного кодекса содержался лишь перечень ориентировочных (демонстрационных) родовых составов преступлений, при этом нормы не содержали санкций.

Ученые разошлись в оценке проекта. Одни высказывались в отношении него отрицательно⁶⁴. Другие же отмечали и положительные моменты, связанные с подготовкой проекта. Так, В.Г. Смирнов и М.Д. Шаргородский полагали, что имеет место его односторонняя характеристика, которая «допускает вывод о никчемности этого документа.

⁶⁰ Стучка П.И. Революционная роль права и государства. С. 101. В последующем он уже не настаивал на такой форме уголовного кодекса.

⁶¹ Известия. 1918. 16 апр.

⁶² См.: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 221, 222.

⁶³ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 7. М., 1920. С. 8.

⁶⁴ См.: История советского уголовного права 1917–1947 гг. С. 260; Шееков Г.В. Указ. соч. С. 133.

Такое безапелляционное открепление от документов периода становления, формирования принципов советского уголовного права не может быть признано уместным вообще, а в особенности в плане историческом. Идеи проекта *de lege ferenda* должны быть признаны ошибочными. Однако они не явились чем-то неожиданным. Напротив, Проект как бы завершает собой определенный этап в развитии уголовно-правовых идей первых лет существования Советского государства... Именно с этих позиций и возможна исторически объективная оценка проекта Особенной части УК РСФСР, разработанного особой комиссией Общеконсультационного отдела НКЮ; данный проект отражал прошлые задачи и не был приспособлен для осуществления новой экономической политики»⁶⁵.

По сути, такую же оценку проекту Общеконсультационного отдела дал и Институт советского права, при этом особо подчеркнув, что он полностью ориентирован на уже прошедший этап революции. В связи с этим Институт принял решение подготовить свой проект кодекса, однако и он был отвергнут, поскольку, как было признано, основывался на чуждых советскому праву положениях буржуазного права, в частности на концепции опасного состояния личности. Проект носил эклектичный характер, содержал противоречащие между собой установления. Особенно наглядно это видно при сопоставлении, например, проектов норм об опасном состоянии лица, влекущем возможность применения мер социальной защиты от пяти до 20 лет, и о наказании за совершенное преступление на срок от шести месяцев до пяти лет. Проект предусматривал возможность назначения относительно неопределенных приговоров. Наконец, постулированное положение “*nullum crimen sine lege*” и положение об опасной личности фактически являются взаимоисключающими⁶⁶.

В это время в Наркомюсте продолжалась работа над подготовкой проекта уголовного кодекса. 14–15 сентября 1921 г. коллегия Наркомата обсудила и одобрила главу «Об имущественных преступлениях», а к середине ноября в основном была завершена работа над общей частью уголовного кодекса и рядом разделов его особенной части. Однако к этому времени все еще оставалась неразрешенной проблема санкций уголовно-правовых норм. Поэтому 16 ноября 1921 г. на заседание коллегии был специально вынесен вопрос о подходах к их формированию, с докладом «Об установлении санкций уголовных норм в проекте нового Уголовного уложения и о дальнейшем направлении работ

⁶⁵ Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 532.

⁶⁶ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 16–17. М., 1922. С. 22.

по его завершению и опубликованию» выступил Д. И. Курский. Решение было принято достаточно своеобразное: относительно одной группы преступлений («вытекающих из пережитков прежнего строя») предлагалось фиксировать максимальный предел репрессии («до такого-то размера», «не более...»); относительно другой (посвящающих «на советский строй и начала коммунистического строительства») — устанавливая лишь минимальную границу («не ниже...»).

С конца ноября 1921 г. и по январь 1922 г. на заседаниях коллегии НКЮ шли постатейные обсуждения проекта кодекса (два заседания были посвящены общей части, четыре — особенной), которые завершились его одобрением. После этого он был опубликован отдельным изданием, в истории значится проектом УК РСФСР 1921 г.⁶⁷

Следует особо заметить, что документ был далек от совершенства. Так, труднообъяснимым представляется отсутствие в дефиниции преступления его материального признака, что отбрасывало проект назад по сравнению с Руководящими началами (ст. 5) и многими законодательными актами, принятыми с 1917 по 1921 г. Более того, еще при обсуждении проекта Общеконсультационного отдела НКЮ была принята редакция статьи, дающей материальное определение преступления⁶⁸.

Особенная часть проекта уголовного кодекса также не была лишена недостатков; причем ряд из них носил системный характер, другие касались конкретных норм, по сути, дословно воспроизводящих ранее изданные нормативные правовые акты.

Проект уголовного кодекса решено было обсудить на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 26 января 1922 г.⁶⁹ Делегатам его представил член коллегии НКЮ Н. А. Чарльончакевич⁷⁰. Характеризуя цель принятия кодекса, он подчеркнул: задача «заключается в том, чтобы углубить и конкретизировать, что является преступным и в какой мере данное преступление действительно является опасным для общественного организма»⁷¹.

Замечания, высказанные делегатами съезда, и отзывы, поступившие с мест, стали основой доработки проекта. 6 февраля 1922 г. коллегия НКЮ, обсудив переработанный вариант проекта, создала комиссию

⁶⁷ См.: Проект Народного комиссариата юстиции. УК РСФСР. М., 1922.

⁶⁸ См. подр.: *Швеков Г. В.* Указ. соч. С. 142.

⁶⁹ Проект кодекса до этого обсуждался на многих местных съездах работников юстиции (см.: Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 3. С. 245).

⁷⁰ См.: Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 5. С. 9.

⁷¹ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 16–17. С. 15.

в составе Н. А. Чарльончакевича, Н. В. Крыленко и Л. А. Саврасова, которой было поручено в трехдневный срок подготовить текст к опубликованию⁷². В историографию он вошел как проект УК РСФСР 1922 г.

Мнения авторов о дате внесения проекта УК в СНК разделились. Одни считают, что это было сделано в феврале, другие — в конце марта 1922 г.⁷³

Совнарком проект не обсуждал, для этого была создана специальная комиссия, которая внесла в него более 100 поправок. Однако, как утверждает М. М. Исаев, существенного влияния на проект они не оказали⁷⁴.

Проекты уголовного кодекса 1921 и 1922 гг. существенно различались между собой. Основные, принципиальные отличия сводились к следующим: 1) были более четко сформулированы задачи уголовного законодательства; 2) дано материальное определение преступления; 3) установлены формы вины; 4) представлено иная классификация преступлений: выделены, во-первых, деяния, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными; во-вторых, прочие преступления (по формулировке Д. И. Курского, преступления, не представляющие собой прямого покушения на защищаемый строй); 5) особенная часть дополнена новыми нормами, предусматривающими ответственность за агитацию и пропаганду, содержащие призывы к разжиганию национальной вражды и розни⁷⁵, злоупотребление властью, провокацию взятки, спекуляцию валютой, разглашение сведений, имеющих соответствующий гриф, бесхозяйственное использование предоставленного арендатору государственного имущества и др. Кроме того, уголовно наказуемыми предлагалось признать незаконный аборт, сводничество, заражение венерической болезнью, скупку заведомо краденного имущества.

Темпы разработки нового уголовного кодекса с позиции нынешнего времени можно оценить как очень форсированные, однако тогда они были признаны недопустимо медленными, за что НКЮ

⁷² Проект был опубликован отдельным изданием (см.: УК РСФСР. Проект НКЮ, измененный на основании работ IV съезда деятелей советской юстиции и поступивших в НКЮ отзывов и замечаний. М., 1922).

⁷³ См.: *Швеков Г. В.* Указ. соч. С. 146; *Дурманов Н. Д.* Первый советский уголовный кодекс. С. 29.

⁷⁴ См.: *Исаев М. М.* Указ. соч. С. 95.

⁷⁵ В основу этой нормы лег Декрет СНК УССР от 18.02.1918 г. «О наказуемости агитации, направленной к возбуждению национальной вражды».

подвергался критике со стороны руководителей партии и правительства⁷⁶.

Проект УК РСФСР широко и обстоятельно обсуждался на III сессии ВЦИК IX созыва 12–27 мая 1922 г.⁷⁷ Достаточно сказать, что ему были посвящены четыре пленарных заседания и три заседания комиссии, специально созданной для доработки кодекса⁷⁸. С докладом выступил Д. И. Курский, который, акцентировал внимание делегатов на нескольких моментах. Во-первых, подчеркнул, что проект представляет собой обобщенный опыт предыдущего законодательства, деятельности народных судов и революционных трибуналов. Роль уголовно-правовой науки докладчик оценил очень скромно, заявив, что были использованы работы теоретического характера, которые «в той или иной плоскости ставили вопросы уголовного права».

Во-вторых, Д. И. Курский, характеризуя положения проекта общей части уголовного кодекса, выделил материальное определение преступления. При этом отметил, что согласно кодексу борьба с преступлениями строится не на основе устрашения или возмездия, а на началах целесообразного обеспечения безопасности советской республики «от опасных для нее деяний».

В-третьих, докладчик обосновал целесообразность относительно определенных санкций. По его мнению, именно этим их видом «суду и дается возможность руководствоваться своим социалистическим правосознанием, которое, наряду с руководящим началом этого кодекса, и будет служить для него ориентировкой в вопросах уголовного права».

В-четвертых, Д. И. Курский подробно остановился на выборе видов наказания, особо выделив те из них, которые не предусматривались дореволюционным законодательством, например, исправительно-трудовые работы, и смертную казнь, не включенную в общий перечень видов наказаний из-за того, что она носит временный характер, применяется до ее отмены ВЦИК, назначается только по делам, находящимся в производстве военных трибуналов⁷⁹.

По результатам обсуждения в проект было внесено более 110 поправок, в основном относящихся к особенной части уголовного кодекса. После обсуждения уже дополненного проекта на пленарном заседании 22 мая 1922 г. он был еще раз

существенно дополнен, а также уточнен ряд его положений. В частности, кардинально изменено определение контрреволюционного преступления, выделены конкретные виды таких преступлений, как, например, участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, не признающей равноправия пришедшей на смену капитализма коммунистической системы собственности, террористический акт и др.

24 мая 1922 г. на сессии состоялось постатейное голосование, проект был принят в целом и передан для окончательного редактирования Президиуму ВЦИК. Одновременно с этим было принято постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР».

Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу 1 июня 1922 г. В указанном постановлении ВЦИК говорится, что Уголовный кодекс преследует цели «ограждения Рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его разрушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания»⁸⁰.

Согласно этому же постановлению закон не обладал обратной силой, применялся в отношении всех преступных деяний, уголовные дела по которым не были рассмотрены до введения Уголовного кодекса в действие.

В связи с принятием УК РСФСР потеряло силу абсолютное большинство уголовно-правовых норм, предусматривавших ответственность за деяния, признаваемые советской властью преступными.

Характеристика Уголовного кодекса. Архитектоника Общей части Кодекса достаточно проста, охватывает пять разделов: пределы действия Уголовного кодекса; общие начала применения наказания; определение меры наказания; роды и виды наказаний; порядок отбывания наказаний. Нетрудно заметить, что последний раздел является инородным в структуре Кодекса, поскольку содержит нормы, регулирующие порядок отбывания наказания. Вторая деталь — это то, что все институты уголовного права «растворены» в наказании. В какой-то степени такой подход напоминает сложившуюся практику в дореволюционной науке уголовного права, когда все исследования, учебники, конспекты лекций и другие компендиумы начинались с анализа института наказания. По сравнению с Руководящими началами, по сути, в законодательной технике сделан шаг назад; в отличие

⁷⁶ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 166.

⁷⁷ Об обсуждении проекта уголовного кодекса подробно см.: Герцензон А. А. Из истории создания первого советского Уголовного кодекса // Сов. уголовное право. 1967. № 3. С. 92.

⁷⁸ См.: III сессия ВЦИК IX созыва (12–27 мая 1922 г.) // Бюллетень. 1922. № 3, 4, 8–10.

⁷⁹ См.: там же // Бюллетень. 1922. № 8. С. 23, 24.

⁸⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 116.

от Уголовного кодекса, наряду с наказанием в них выделялись институты преступления, стадий, соучастия, действия уголовного закона в пространстве (даны в такой последовательности).

Пределы действия Уголовного кодекса (разд. 1) регламентированы в целом традиционно. Как советские, так и иностранные граждане, в случае совершения преступления на территории РСФСР, подлежат ответственности в соответствии с нормами Уголовного кодекса. Кодекс подлежал применению и в том случае, если преступление было совершено за границей, при этом граждане несли ответственность независимо от характера совершенного преступления, а действия иностранных граждан наказывались по Уголовному кодексу РСФСР только в том случае, если они были направлены против основ государственного строя. Практически такое же условие ответственности иностранных граждан содержится и в ст. 12 УК РФ (в Уголовном кодексе РФ говорится об интересах Российской Федерации или ее граждан).

Действие по кругу лиц, в частности в отношении иностранных граждан, УК РСФСР ограничивает «иностранцами, если последние по своему дипломатическому положению не пользуются правом экстерриториальности» (ст. 1). Таким образом, делалось изъятие в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом. Кроме того, предусматривались ограничения действия уголовного закона по кругу лиц согласно особым договорам, заключенным РСФСР с отдельными государствами⁸¹.

Понятие преступления дается в разд. II УК РСФСР, посвященном общим началам применения наказания. В этом случае, как представляется, в дихотомической связке «преступление — наказание» нарушена взаимосвязь явлений и понятий; как известно, наказание обусловлено преступлением, а не наоборот. Уголовный кодекс РСФСР преступление определяет несколько иначе, чем Руководящие начала⁸². «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю

период времени» (ст. 6 УК РСФСР). Как отмечал М.М. Исаев, благодаря влиянию Руководящих начал классовый характер советского уголовного права проявился и в Уголовном кодексе РСФСР, в частности, это видно из его установки на борьбу с классовыми врагами⁸³.

Признак общественной опасности отнесен не только к деянию, но и к личности виновного. «Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7 УК РСФСР). Указанная норма привела к расширению границ уголовной репрессии. Согласно ст. 49 УК РСФСР лица, признанные по связи с преступной средой данной местности социально опасными, по приговору суда могли быть лишены права пребывания в определенных местностях на срок до трех лет.

Сохранив материальную характеристику преступления, законодатель в дефиниции никак не упоминает его уголовную противоправность. В этом есть определенная логика: наличие последней и аналогия закона (ст. 10 УК РСФСР) взаимно исключают друг друга. Это обстоятельство некоторыми авторами упускается из виду⁸⁴.

Уголовный кодекс не содержит понятие вины, в уголовно-правовых нормах закреплены ее формы (умысел и неосторожность) и даны отдельные элементы умысла и неосторожности, которые как тогда, так и сейчас признаются научно обоснованными, в целом воспроизведены в Уголовном кодексе РФ.

К отсутствию упоминания в тексте закона вины ученые отнеслись по-разному. Одни видели в этом влияние социологической школы⁸⁵, другие — окончательный разрыв с буржуазным уголовным правом⁸⁶. М.М. Гродзинский, оценивая подход законодателя, писал, что советский Уголовный кодекс, сохраняя понятия умысла и неосторожности, «несколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля»⁸⁷.

⁸³ См.: *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. С. 89.

⁸⁴ См.: *Епифанцева Е.В., Недилько Ю.В.* Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // *Бизнес и закон.* 2015. № 1. С. 10, 11.

⁸⁵ См., напр.: *Пионтковский А.А.* Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // *Сов. право.* 1923. № 3 (6). С. 33; *Немировский Э.* Опасное состояние личности и репрессия // *Право и жизнь.* 1924. № 1. С. 4.

⁸⁶ См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 92.

⁸⁷ *Гродзинский М.М.* Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // *Вестник сов. юстиции.* 1927. № 17. С. 585.

⁸¹ Институт уголовно-правовых иммунитетов находился на стадии становления, некоторым образом именно этим обстоятельством объясняются имеющиеся законодательные формулировки (см. подр.: *Герфанова Е.И.* Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019).

⁸² Некоторые ученые считают, что между дефинициями преступления по Руководящим началам и УК РСФСР нет никаких различий, хотя при этом, например, А.Я. Эстрин сам же отмечает, что «Кодекс... с редакционной стороны улучшил определение...» (см.: *Эстрин А.* Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // *Еженедельник сов. юстиции.* 1922. № 23. С. 1).

В современной литературе отмечается, что сейчас трудно понять первоосновы такого решения, в т.ч. и то, что было первичным: законодательное решение или научные позиции ученых тех лет. Вероятно, это был определенный симбиоз: легальная формулировка отражала уголовно-правовую мысль того времени и сама же обусловила соответствующий подход в науке к оценке вины⁸⁸. Например, А.Н. Трайнин вину и виновность рассматривает не как социально-психологические категории, а как уголовно-правовые понятия с юридическим содержанием⁸⁹. Эти и другие высказывания подобного рода были признаны ошибочными, обусловленными стремлением юристов видеть специфику советского уголовного права практически во всем и, конечно, в отказе от принципа вины. Характеризуя их, И.С. Ной писал, что с буржуазной концепцией вины и «злой воли» юристы-марксисты согласиться не могли, «научная же разработка основных положений только что возникшего советского уголовного права на базе марксизма лишь началась»⁹⁰.

Стадии совершения преступления определялись традиционно, выделялись приготовление и покушение. Их понятия в целом совпадают с современными трактовками выделяемых стадий, однако наказуемость предварительной преступной деятельности была специфичной. Так, в ст. 12 УК РСФСР говорилось, что «приготовление к преступлению карается лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым действием». Кроме того, приготовление к совершению преступления, в отличие от современного законодательства, судя по тексту закона, ограничивалось одной формой деяния.

Покушение на преступление каралось «как совершенное преступление, причем отсутствие или незначительность вредных последствий покушения могут быть приняты во внимание судом при определении меры наказания» (ст. 13 УК РСФСР).

Надо заметить, что в теории уголовного права в это время бытовало мнение, согласно которому выделение приготовления и покушения не имеет практического значения, поскольку как степень подготовленности преступления, так и близость наступления последствий подлежат свободной судебной оценке⁹¹. Эта позиция в том или ином виде продержалась до 50-х годов прошлого века⁹².

⁸⁸ См.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Указ. соч. С. 27.

⁸⁹ См.: Трайнин А.Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 16.

⁹⁰ Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 16.

⁹¹ См.: Васильев-Южин М.В. Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР. 1928. № 1; Геденов И.И. Приготовление и покушение по новейшим кодексам и по проектам // Право и жизнь. 1924. № 7–8; и др.

⁹² В это время были защищены три кандидатские диссертации: Лясс Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому

При отказе от доведения преступления до конца на стадии покушения виновный наказывался за то «преступление, которое фактически им совершено» (ст. 14 УК РСФСР). Данный подход к оценке деяния сохранился и в действующем Уголовном кодексе РФ.

Соучастие в Уголовном кодексе не определялось, назывались лишь виды соучастников: исполнитель, подстрекатель и пособник (в перечне не упоминался организатор). Это, возможно, было обусловлено тем, что в советской литературе проблемы соучастия стали активно разрабатываться уже после принятия Уголовного кодекса 1922 г.⁹³

В отличие от Руководящих начал УК РСФСР различал соучастие и прикосновенность к преступлению. В Особенной части Уголовного кодекса предусматривалась самостоятельная ответственность за попустительство, укрывательство и недоносительство⁹⁴. Это обстоятельство исключило применение аналогии при юридической оценке недоносительства как пособничества.

Уголовный кодекс РСФСР оперировал двумя понятиями: наказание и меры социальной защиты, что привело к достаточно оживленным дискуссиям в научной среде. Определение этих понятий не дается, соотношение между ними установить достаточно сложно. Так, Г.В. Швеков полагал, что по смыслу ряда статей Уголовного кодекса наказание являлось разновидностью мер социальной защиты⁹⁵. Для такого вывода есть некоторые основания. «К другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относятся...» (ст. 46 УК РСФСР). Указанные меры имеют единые цели: 1) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; 2) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; 3) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (ст. 8 УК РСФСР).

уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952; Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953; Тишкевич И.С. Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953.

В 1955 г. вышла работа: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления. М., 1955. Предложенные автором понятия приготовления к совершению преступления и покушения на совершение преступления нашли отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

⁹³ См., напр.: Эстрин А.Я. О соучастии по Уголовному кодексу РСФСР // Сов. право. 1922. № 3.

⁹⁴ См.: Сухоплюев И. Наказуемо ли недоносительство? // Вестник сов. юстиции. 1923. № 2; и др.

⁹⁵ См.: Швеков Г.В. Указ. соч. С. 172.

Согласно ст. 32 УК РСФСР к видам наказания относились: 1) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; 2) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; 3) принудительные работы без содержания под стражей; 4) условное осуждение; 5) конфискация имущества (полная или частичная); 6) штраф; 7) поражение прав; 8) увольнение от должности; 9) общественное порицание; 10) возложение обязанности загладить вред. Иные меры социальной защиты предполагали помещение в учреждение для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью либо промыслом, удаление из определенной местности.

При выборе меры наказания суды обязаны были учитывать степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления.

Особенная часть Уголовного кодекса РСФСР объединяет восемь глав, некоторые из них подразделялись на разделы: 1) государственные преступления (контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления); 2) должностные (служебные) преступления; 3) нарушение правил отделения церкви от государства; 4) преступления хозяйственные; 5) преступления против жизни, здоровья свободы и достоинства личности (убийство, телесные повреждения и насилье над личностью, оставление в опасности, иные посягательства на личность и ее достоинство); 6) имущественные преступления; 7) воинские преступления; 8) нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок.

В трех главах даны видовые понятия соответствующих преступлений. Статья 57 УК РСФСР содержит определение контрреволюционного преступления. Таковым «признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами». Понятие контрреволюционного преступления было сформулировано лично В.И. Лениным в письме Д.И. Курскому⁹⁶.

Преступлением против порядка управления считалось деяние, направленное к нарушению

правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти (ст. 74 УК РСФСР).

Согласно ст. 200 УК РСФСР специально воинскими преступлениями являются деяния военнослужащих Красной Армии и Красного Флота, направленные против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами республики своего назначения, и «притом такие именно, которые по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе».

В последующем в Уголовный кодекс РСФСР неоднократно вносились изменения и дополнения, все они, как правило, касались определенных деяний и их уголовно-правовых характеристик. И только постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г. Кодекс был дополнен главой, содержащей пять разделов, нормы которой действовали отдельно только на территории следующих образований: автономной Киргизской ССР, автономной Туркестанской ССР, автономной Башкирской ССР, Ойратской автономной области и Адыгейской автономной области.

Значение Уголовного кодекса. Первый кодифицированный уголовно-правовой акт знаменовал собой не только определенный этап в становлении советского уголовного законодательства и науки уголовного права, обеспечившей в первую очередь разработку концептуальной основы Уголовного кодекса, но и сам явился катализатором дальнейшего развития уголовно-правовой мысли. После его принятия началась разработка ряда институтов уголовного права (соучастия, стадий и т.д.), подготовка Общих начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., ряда других важных нормативных правовых актов (например, Положения о воинских преступлениях 1924 г.) и т.д. Уголовный кодекс 1922 г. предопределил становление социалистического уголовного права не только в РСФСР, но и в других республиках СССР, на долгие годы определил основные направления развития советского уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 39.
2. Васильев-Южин М.В. Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР. 1928. № 1.

⁹⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

3. *Геденов И.И.* Приготовление и покушение по новейшим кодексам и по проектам // *Право и жизнь*. 1924. № 7–8.
4. *Герфанова Е.И.* Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.
5. *Герцензон А.А.* Из истории создания первого советского Уголовного кодекса // *Сов. уголовное право*. 1967. № 3. С. 92.
6. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. М., 1970. С. 221, 222.
7. *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015.
8. *Грингауз Ш.* К вопросу об уголовном праве и правотворчестве масс в 1917–1918 гг. // *Сов. государство и право*. 1940. № 3. С. 82.
9. *Гродзинский М.М.* Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // *Вестник сов. юстиции*. 1927. № 17. С. 585.
10. *Дурманов Н.Д.* Первый советский уголовный кодекс // *Сов. государство и право*. 1947. № 9. С. 29.
11. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М., 1948. С. 248.
12. *Дурманов Н.Д.* Стадии совершения преступления. М., 1955.
13. *Епифанцева Е.В., Недилько Ю.В.* Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // *Бизнес и закон*. 2015. № 1. С. 10, 11.
14. *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 83, 89, 95.
15. *История советского уголовного права*. М., 1947. С. 113.
16. *История советского уголовного права 1917–1947 гг.* М., 1948. С. 260, 267.
17. *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // *Пролетарская революция и уголовное право*. 1918. № 1. С. 27.
18. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 61.
19. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК*. М., 1983. Т. 3. 1917–1922. С. 25.
20. *Крыленко Н.В.* Три проекта реформы Уголовного кодекса. Тезисы доклада. М., 1931. С. 8.
21. *Кузнецова Н.Ф.* Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953.
22. *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 30.
23. *Курский Д.И.* Новое уголовное право // *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 52.
24. *Курский Д.И.* Новое уголовное право // *Пролетарская революция и право*. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 23, 27, 28.
25. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190; т. 54. С. 166.
26. *Лясс Н.В.* Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952.
27. *Материалы Наркомата юстиции РСФСР*. М., 1918. Вып. 1. С. 4; вып. 2. С. 35, 42, 43, 51; вып. 3. С. 10, 52; 1920. Вып. 7. С. 8; Пг., 1921. Вып. 11–12. С. 73, 74, 78, 81, 82; приложение. С. 2, 3; 1922. Вып. 16–17. С. 15, 22.
28. *Мишунин П.Г.* Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М., 1954. С. 150.
29. *Немировский Э.* Опасное состояние личности и репрессия // *Право и жизнь*. 1924. № 1. С. 4.
30. *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 16.
31. *Пионтковский А.А.* Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // *Сов. право*. 1923. № 3 (6). С. 33.
32. *Проект Народного комиссариата юстиции. УК РСФСР*. М., 1922.
33. *Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг.* / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 116.
34. *Свобода России*. М., 1918. С. 36, 38.
35. *Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Уголовное право // *Сорок лет советского права*. Л., 1957. Т. 1. С. 527, 532.
36. *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // *Пролетарская революция и право*. 1918. № 1. С. 3.
37. *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. М., 1924. С. 98, 101.
38. *Сулейманов А.А.* Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.
39. *Сухоплюев И.* Наказуемо ли недоносительство? // *Вестник сов. юстиции*. 1923. № 2.
40. *Тишкевич И.С.* Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953.
41. *Тоскина Г.Н.* Уголовное наказание в законодательстве РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2005.
42. *Трайнин А.Н.* Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // *Право и жизнь*. 1924. № 1. С. 16.
43. *Уголовное право. История юридической науки* / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 14, 15.
44. *УК РСФСР. Проект НКЮ, измененный на основании работ IV съезда деятелей советской юстиции и поступивших в НКЮ отзывов и замечаний*. М., 1922.
45. *Утевский Б.С.* Сорок лет развития советского уголовного законодательства // *Вопросы советского социалистического права*. М., 1958. С. 310.
46. *Чельцов-Бebutov М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 92.
47. *Чистяков О.И.* Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти (1917–1923) // *Сов. государство и право*. 1956. № 5. С. 11.
48. *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // *Юридический вестник Кубанского гос. ун-та*. 2019. № 4. С. 24, 27.
49. *Шаргородский М.Д.* Предмет и система уголовного права // *Сов. государство и право*. 1941. № 4. С. 42.
50. *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 115, 119, 133, 142, 146, 172.

51. *Эстрин А.* Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // *Еженедельник сов. юстиции.* 1922. № 23. С. 1.
52. *Эстрин А.Я.* О соучастии по Уголовному кодексу РСФСР // *Сов. право.* 1922. № 3.

REFERENCES

1. *Berman Ya.* On the question of the Criminal Code of the socialist State // *The Proletarian Revolution and law.* 1919. № 2 (12) – 4 (14). P. 39 (in Russ.).
2. *Vasiliev-Yuzhin M.V.* Preparation and attempted crime // *Bulletin of the Supreme Court of the USSR.* 1928. No. 1 (in Russ.).
3. *Gedeonov I.I.* Preparation and attempt according to the latest codes and projects // *Law and life.* 1924. No. 7–8 (in Russ.).
4. *Gerfanova E.I.* Implementation of legal immunities in the Criminal Law of Russia: dis. ... PhD in Law. Kazan, 2019 (in Russ.).
5. *Herzenzon A.A.* From the history of the creation of the first Soviet Criminal Code // *Soviet Criminal Law.* 1967. No. 3. P. 92 (in Russ.).
6. *Herzenzon A.A.* Criminal Law and sociology. M., 1970. P. 221, 222 (in Russ.).
7. *Gracheva Yu. V., Malikov S.V., Chuchaev A.I.* Soviet Criminal Code (scientific commentary, text, comparative tables) / ed. by A.I. Chuchaev. M., 2015 (in Russ.).
8. *Gringauz Sh.* On the question of criminal law and the law-making of the masses in 1917–1918. // *Soviet State and Law.* 1940. No. 3. P. 82 (in Russ.).
9. *Grodzinsky M.M.* The New Criminal Code of the Ukrainian SSR. General part // *Herald of the Soviets. justice.* 1927. No. 17. P. 585 (in Russ.).
10. *Durmanov N.D.* The first Soviet Criminal Code // *Soviet State and Law.* 1947. No. 9. P. 29 (in Russ.).
11. *Durmanov N.D.* The concept of crime. M., 1948. P. 248 (in Russ.).
12. *Durmanov N.D.* The stages of committing a crime. M., 1955 (in Russ.).
13. *Epifantseva E.V., Nedilko Yu. V.* The concept of crime through the prism of interpretation of criminal law norms // *Business and law.* 2015. No. 1. P. 10, 11 (in Russ.).
14. *Isaev M.M.* The General part of the Criminal Law of the RSFSR. L., 1925. P. 83, 89, 95 (in Russ.).
15. *History of Soviet Criminal Law.* M., 1947. P. 113 (in Russ.).
16. *History of Soviet Criminal Law 1917–1947.* M., 1948. P. 260, 267 (in Russ.).
17. *Kozlovsky M. Yu.* Proletarian revolution and Criminal Law // *The Proletarian Revolution and Criminal Law.* 1918. No. 1. P. 27 (in Russ.).
18. *Konyakhin V.P.* Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian Criminal Law. SPb., 2002. P. 61 (in Russ.).
19. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee. M., 1983. Vol. 3. 1917–1922. P. 25 (in Russ.).
20. *Krylenko N.V.* Three draft reforms of the Criminal Code. Abstracts of the report. M., 1931. P. 8 (in Russ.).
21. *Kuznetsova N.F.* Responsibility for preparation and attempt under Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. M., 1953 (in Russ.).
22. *Kursky D.I.* Selected articles and speeches. M., 1948. P. 30 (in Russ.).
23. *Kursky D.I.* New Criminal Law // *Kursky D.I. Selected articles and speeches.* M., 1948. P. 52 (in Russ.).
24. *Kursky D.I.* New Criminal Law // *The Proletarian Revolution and law.* 1919. № 2 (12) – 4 (14). P. 23, 27, 28 (in Russ.).
25. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 45. P. 190; vol. 54. P. 166 (in Russ.).
26. *Lyass N.V.* Stages of criminal activity in Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. L., 1952 (in Russ.).
27. *Materials of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR.* M., 1918. Issue 1. P. 4; issue. 2. P. 35, 42, 43, 51; vol. 3. P. 10, 52; 1920. Issue 7. P. 8; Pg., 1921. Issue 11–12. P. 73, 74, 78, 81, 82; appendix. P. 2, 3; 1922. Issue 16–17. P. 15, 22 (in Russ.).
28. *Mishunin P.G.* Essays on the history of Soviet Criminal Law. 1917–1918. M., 1954. P. 150 (in Russ.).
29. *Nemirovsky E.* Dangerous state of personality and repression // *Law and life.* 1924. No. 1. P. 4 (in Russ.).
30. *Noy I.S.* Questions of the theory of punishment in Soviet Criminal Law. Saratov, 1962. P. 16 (in Russ.).
31. *Piontkovsky A.A.* Measures of social protection in the Criminal Code of the RSFSR // *Soviet law.* 1923. No. 3 (6). P. 33 (in Russ.).
32. *Project of the People's Commissariat of Justice. The Criminal Code of the RSFSR.* M., 1922 (in Russ.).
33. *Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952* / ed. by I.T. Golyakov. M., 1953. P. 116 (in Russ.).
34. *Freedom of Russia.* M., 1918. P. 36, 38 (in Russ.).
35. *Smirnov V.G., Shargorodsky M.D.* Criminal Law // *Forty years of Soviet Law.* L., 1957. Vol. 1. P. 527, 532 (in Russ.).
36. *Stuchka P.I.* Proletarian Revolution and Court // *Proletarian Revolution and Law.* 1918. No. 1. P. 3 (in Russ.).
37. *Stuchka P.I.* The revolutionary Role of Law and the state. M., 1924. P. 98, 101 (in Russ.).
38. *Suleymanov A.A.* The Criminal Code of the RSFSR of 1922: conceptual foundations and general characteristics: abstract ... PhD in Law. M., 2007. P. 16 (in Russ.).
39. *Sukhoplyuev I.* Is non-reporting punishable? // *Herald of Sov. justice.* 1923. No. 2 (in Russ.).
40. *Tishkevich I.S.* The concept of preparation and assassination in Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. Minsk, 1953 (in Russ.).
41. *Toskina G.N.* Criminal punishment in the legislation of the RSFSR and the USSR (1917–1926) / ed. by A.I. Chuchaev. Ulyanovsk, 2005 (in Russ.).
42. *Trainin A.N.* Etudes on Criminal Law. Guilt and guilt // *Law and life.* 1924. No. 1. P. 16 (in Russ.).

43. Criminal Law. History of legal science / res. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1978. P. 14, 15 (in Russ.).
44. Criminal Code of the RSFSR. The draft of the NKYU, modified on the basis of the works of the IV Congress of Figures of Soviet Justice and the feedback and comments received by the NKYU. M., 1922 (in Russ.).
45. *Utevsky B.* With Forty years of development of Soviet criminal legislation // Questions of Soviet Socialist Law. M., 1958. P. 310 (in Russ.).
46. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925. P. 92 (in Russ.).
47. *Chistyakov O.I.* Organization of codification works in the first years of Soviet power (1917–1923) // Soviet State and Law. 1956. No. 5. P. 11 (in Russ.).
48. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* The guiding principles of the beginning of 1919 as a prototype of the General part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 // Legal Herald of the Kuban State University. 2019. No. 4. P. 24. 27 (in Russ.).
49. *Shargorodsky M.D.* The subject and the system of Criminal Law // Soviet State and Law. 1941. No. 4. P. 42 (in Russ.).
50. *Shvekov G.V.* The first Soviet Criminal Code. M., 1970. P. 115, 119, 133, 142, 146. 172 (in Russ.).
51. *Estrin A.* The Criminal Code and “Guiding principles on Criminal Law of the RSFSR” // Weekly Sov. justice. 1922. No. 23. P. 1 (in Russ.).
52. *Estrin A. Ya.* On complicity under the Criminal Code of the RSFSR // Soviet law. 1922. No. 3 (in Russ.).

Сведения об авторе

Authors' information

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

CHUCHAEV Alexander I. – Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia